

© 2017 г.

А.С. ТУМАНОВА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ОТНОШЕНИЯ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ¹

Туманова Анастасия Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, факультет права (Москва, Россия) (E-mail: anastasiya13@mail.ru).

Tumanova Anastasiya S. — Doctor of Law, Professor, professor of theory and history of law department of the National Research University “Higher School of Economics” (HSE), law faculty (Moscow, Russia) (E-mail: anastasiya13@mail.ru).

Аннотация: в статье рассматривается функционирование общественных организаций в годы Первой русской революции сквозь призму их взаимоотношений с публичной властью, а также реформирования правовых оснований их деятельности. Такая постановка проблемы позволяет автору уточнить выработанное советской историографией воззрение на революцию и на участие в ней оппозиционных правительству, но реформаторски настроенных сил, а также сформулировать проект демократизации политической системы, выработанный институциями интеллектуалов, их представления об общественном долге и гражданском участии, которым ранее не уделялось существенного внимания.

Abstract: the author explores the functioning of voluntary associations during the First Russian Revolution through their relations with the public authorities, as well as reforming the legal basis of their activity. This view allows the author to clarify the conception of the revolution and to participate in its opposition to the government but speakers for the reform forces, worked out by Soviet historiography, and to formulate a project of democratization of the political system, developed by the institutions of intellectuals, and their idea of public duty and civic participation, which had not previously received substantial attention.

Ключевые слова: Первая русская революция, общественные организации, государственная власть, конституционная реформа, Российская Империя.

Key words: First Russian Revolution, voluntary associations, public authorities, constitutional reform, Russian Empire.

1. Постановка проблемы

С точки зрения истории российской общенности период Первой русской революции традиционно ассоциируется с возникновением и последующим бурным ростом политических партий. Между тем подавляющая часть общественных объединений того времени носила неполитический характер. Они именовались “обществами”, “частными обществами” либо обществами “частной инициативы”. Тем самым подчеркивались нацеленность ассоциаций на удовлетворение “частных” интересов и потребностей людей в образовании, досуге, здравоохранении, социальной защите и проч., неформальный и добровольный характер их начинаний, а также их отличие от “публично-правовых объединений” (под последними, как правило, понимали органы местного, а зачастую и сословного

самоуправления, основательно исследованные историками права на сегодняшний день²).

Для так называемых неполитических организаций — добровольных, самоуправляющихся и надлежущим образом оформленных объединений поданных российского императора, занимавшихся усовершенствованиями в области науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения и др., Первая русская революция была периодом активного роста и качественного развития. Появлялись новые виды ассоциаций, возрастала их численность, общества формулировали свою позицию по актуальным вопросам революционного времени, многие из них заметно политизировались. Революция стала второй и наиболее крупной вехой для добровольных ассоциаций. Первой такой вехой явился период либеральных реформ 1860–1870-х гг., когда было создано большое число

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Фонда фундаментальных научных исследований НИУ “Высшая школа экономики” в 2017 г.

² См.: Лантева Л.Е. Земские учреждения в России. М., 1993; Лантева Л.Е., Шутов А.Ю. Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России. М., 1999.

организаций, ставивших целью демократизацию науки, образования и других сфер жизни.

Изучение функционирования общественных организаций в период Первой русской революции, их взаимоотношений с публичной властью позволит нам составить представление о степени развития в дореволюционной России гражданского общества. Взяв за основу определение канадского политического философа Ч. Тэйлора, понимающего под гражданским обществом сеть автономных ассоциаций, независимых от государства и опосредующих отношения между ним и индивидами³, а также ставшие хрестоматийными концепции немецкого философа Ю. Хабермаса — американского политолога Дж. Л. Коэн и социолога Э. Арато, согласно которым институциональным ядром гражданского общества служат добровольные ассоциации — самоорганизующиеся и самодеятельные объединения вне государства и экономики, дающие населению возможность управлять самостоятельно⁴, мы позволим себе утверждать, что гражданское общество активно формировалось в России с начала прошлого века. Если в конце XIX в. в стране насчитывалось несколько тысяч добровольных обществ, то уже в канун Первой мировой войны, явившейся логическим итогом описываемого нами периода, ассоциаций было порядка 10 тыс. Они повсеместно присутствовали в целом ряде сфер жизни и у ряда профессиональных групп. Их отличало многообразие проектов и заметные достижения в своих областях⁵.

Изучение деятельности общественных организаций в годы Первой русской революции сквозь призму их отношений с публичной властью и реализации избранного властью реформаторского курса также поможет нам уточнить выработанное советской историографией воззрение на революцию как на “локомотив истории”, приведший в движение оппозиционные правительству силы. Революциям придавалось значение “локомотивов”, выведивших на историческую арену радикально настроенные народные массы, которые, как считалось, собственно и “делали историю”. В уравнении с четырьмя неизвестными: властью, народом, реформами и революцией, — позиции

распределялись следующим образом: активный и деятельный народ, недовольный существующим положением вещей и жаждавший перемен; пассивная, реакционно настроенная власть, боявшаяся перемен, однако решавшаяся на них под нажимом революционного возбуждения масс; революция как двигатель исторического прогресса; реформы как побочное следствие революционного движения, вынужденные действия верхов. Между тем таким участникам революционного процесса, как институции интеллектуалов (предпринимателей, правительственных чиновников, профессионалов-интеллигентов и др.), формулировавших свой проект демократизации политической системы мирным, эволюционным путем, их представлениям об общественном долге и гражданском участии сколько-нибудь заметного внимания не уделялось.

Нельзя также не поставить под сомнение существовавшую долгое время исследовательскую парадигму изучения истории общественных объединений в революционный период. Исследователи делали акцент на вынужденные уступки власти по созданию условий для развития общественных организаций⁶, отказывая самим ассоциациям в серьезности намерений модернизировать самодержавный строй в буржуазно-правовой, преобразовать разделенное сословно-классовыми перегородками общество в гражданское. Не учитывался также масштаб правительственных реформ в данной сфере, то обстоятельство, что сам факт законодательного закрепления свобод союзов и собраний создавал правовую рамку для развития гражданского общества, свидетельствовал о признании монархом за населением прав на самодеятельность и самоуправление, являвшихся ранее особой привилегией, даруемой властью по своему усмотрению лишь доверенным лицам. Декларированное в Манифесте 17 октября 1905 г. и закрепленное временными правилами о союзах и собраниях право населения на создание объединений явилось во многом удавшейся попыткой регулировать жизнедеятельность союзов и собраний правовыми средствами и символизировало эволюцию правительственного курса в направлении создания условий для развития общественности⁷.

³ Taylor Ch. Modes of Civil Society // Public Culture. Fall 1990. 3 (1). P. 95–118.

⁴ См.: Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, 1989. P. 27–31; Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 7–9.

⁵ См.: Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // American Historical Review. Vol. 107. Oct. 2002. N. 4. P. 1122; Bradley J. Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society. Cambridge, 2009. P. 1.

⁶ См.: Щиглик А.И. Добровольные общества в переходный период от капитализма к социализму // Вопросы теории и истории общественных организаций. М., 1971; Печников В.Н. Антидемократическое законодательство царизма о союзах и собраниях в период Первой русской революции. Дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 1984.

⁷ См. об этом более подробно: Туманова А.С. Законодательство об общественных организациях России в начале XX века // Гос. и право. 2003. № 8.

Иначе говоря, автор данной статьи задался целью рассмотреть влияние, которое оказала революция на институт добровольных организаций, а также на заданный ею вектор их развития, заключавшийся в сотрудничестве с властью и одновременном противостоянии ей. Эта противоречивая тенденция взаимоотношений власти и общества очевидно проявилась также в краткосрочной перспективе революций 1917 г.

2. *Общественные организации как “передовой отряд” в движении за права личности*

Неполитические организации прошли несколько стадий своего развития в годы Первой революции. Лейтмотивом начального этапа, частично затронувшего предреволюционный период осени 1904 г., являлись увлечение идеями переустройства страны в либерально-конституционном направлении и ее заявление в различных формах. Неполитические по своим уставным задачам общества сыграли заметную роль в подготовке общественного мнения к конституционным реформам. Они явились “передовым отрядом” в развернутом либерально настроенными общественными деятелями движении за права личности⁸.

В движении за установление конституционного строя и сопряженных с ним гражданских и политических свобод участвовала значительная часть легальных организаций. Требования конституции и гражданских свобод прозвучали осенью 1904 г. на заседаниях юридических обществ: Харьковско-го, Одесского и Курского. Они раздавались также в собраниях обществ литературы и искусства, демократически настроенных ассоциаций учительской взаимопомощи.

Многие ассоциации и их лидеры высказали тогда суждение, что конституционные реформы являются для них условием успешной профессиональной деятельности. Наиболее авторитетная научная и народнохозяйственная ассоциация второй столицы — Московское общество сельского хозяйства (МОСХ) — выступила в ноябре 1904 г. с заявлением, что беспрепятственное со стороны власти

проявление общественной инициативы и самостоятельности является прочным залогом успешной работы в области сельскохозяйственной промышленности. Заявление завершалось призывом, чтобы свободное развитие общественной самостоятельности стало правом, освященным законом⁹. То был призыв к установлению права на объединение, именуемое в предреволюционной риторике «свободой союзов». Педагогические общества выступили тогда с критикой действий бюрократии по отношению к средней школе и призвали общественность к участию в демократизации школьного режима, к обновлению начального и внешкольного образования¹⁰.

С критикой существующего полицейско-бюрократического режима (читай — самодержавия), препятствовавшего правильному развитию общественной медицины, выступили медики. Она прозвучала в резолюциях съезда Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова в январе 1904 г. в Петербурге. Врачи потребовали от власти принятия законодательных мер к предотвращению повального вымирания населения деревни. Принявший эстафету январского съезда медицинский противохолерный съезд врачей-пироговцев в марте 1905 г. постановил, что никакая мирная культурная работа невозможна при существующем строе и что нужно исходить из медицинских запросов самого населения¹¹. Революционизирующую роль медицинских съездов признала власть. Мартовский съезд был закрыт, а московский вице-губернатор В.Ф. Джунковский осенью 1905 г. признал одним из его последствий то, что земский врачебный персонал Московской губернии примкнул к движению за конституционный строй¹².

Ответом правительства на участие добровольных обществ в движении за конституционные реформы стало запрещение многим из них собраний. Серия таких запретов последовала в декабре 1904 г. Администрацией были запрещены собрание Курского общественного клуба 12 декабря 1904 г., где планировалось чествование видных либеральных земских деятелей: кн. П.Д. Долгорукова, А.Н. фон-Рутцена и др. за участие в запрещенном властями петербургском земском съезде, в заседаниях комиссии по техническому образованию Московского отделения Императорского русского технического общества 29–31 декабря 1904 г., посвященные школьному образованию

⁸ Разумеется, интерес к политической деятельности с началом революции проявили далеко не все организации. Были общества, которые нарочито высказывали свою аполитичность и стремление быть вне партий. Такая позиция была характерна, к примеру, для ряда ученых архивных комиссий. Так, в этот период сотрудники Тамбовской ученой архивной комиссии перестали посещать научные съезды из опасения, что беспокойное настроение общества может придать собраниям ученых политический и партийный характер, и всецело посвятили себя кабинетной работе. Подобное поведение отразило позицию монархиста А.Н. Норцова.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102.00. Д. 1250. Т. 2. 1904. Л. 33–35.

¹⁰ См.: там же. Л. 1–5.

¹¹ См.: там же. Ф. 102.00. 1904. Д. 200. Л. 6, 64.

¹² См.: там же. Л. 62, 63.

и внешкольному обучению взрослых, юбилейное заседание Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии¹³.

3. От протестных заявлений к протестным действиям

С началом Первой русской революции лидеры ряда старейших добровольных обществ перешли от слов к действиям, т.е. к открытым политическим акциям. Центром легальной оппозиции правящей власти становится в 1905 г. Вольное экономическое общество (ВЭО). Под руководством видного либерала графа П.А. Гейдена, включавшее в свой состав земских деятелей Ф.И. Родичева, Петра Д. Долгорукова, Д.И. Шаховского и др., заметно демократизировалось. Консолидируя в XIX в. верхи консервативного дворянства и чиновной бюрократии, оно стало в годы революции средоточием либеральной общественности.

В ответ на расстрел безоружной рабочей демонстрации в Петербурге 9 января, именуемый “Кровавым воскресеньем”, ВЭО устроило заседание, где были подвергнуты порицанию действия правительства. Вечером 9 января 1905 г. в помещении общества состоялось многолюдное (800 чел.) собрание по поводу мирного шествия народных масс с петицией и их расстрела. Собравшиеся писатели, адвокаты, врачи, инженеры, студенты горячо критиковали действия правительства, сообщали о фактах убийства мирных жителей, призывали к организации самообороны. Активисты ВЭО составили обращение к офицерам русской армии с призывом не подчиняться незаконным распоряжениям властей и не расстреливать безоружный народ. Тогда же было положено начало созданию наиболее крупной профессионально-политической организации интеллигенции – Союза союзов и организовано его ядро. Большинство членов ВЭО примкнуло к возникшим профессиональным союзам инженеров и техников, писателей и присяжных поверенных. В его помещении устраивались собрания Совета рабочих депутатов¹⁴.

К протесту ВЭО в январские дни 1905 г. присоединилось и Московское общество сельского хозяйства. Оно издало постановление, где признало действия правительства преступным произволом

и призвало к немедленному созыву Учредительного собрания¹⁵.

В 1905 г. на заседаниях ВЭО обсуждались наиболее злободневные для страны проблемы, в особенности аграрный вопрос. Звучали доклады о постигшем многие губернии неурожае и необходимости широкого общественного участия в борьбе с ним. Старейшее научное общество России активно участвовало в организации продовольственной помощи голодающим, командировало уполномоченных в неурожайные губернии для устройства народных столовых. Общественники анализировали характер аграрного движения в различных регионах страны и высказывали убеждение, что уберечься от систематических периодических голодовок можно только с помощью системных политических реформ, закреплявших конституционный образ правления и права граждан. На ходатайство главноуправляющего землеустройством и земледелием П.Х. Шванебаха снять данные вопросы с обсуждения ВЭО ответило отказом¹⁶.

Демонстрации ВЭО были замечены властями. Начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов, характеризовавший в 1906 г. революционную деятельность просветительских обществ Петербурга, аттестовал это общество как учреждение, являвшееся “одним из главных очагов революционной заразы” и нуждавшееся “в самой тщательной дезинфекции и более или менее продолжительном проветривании”¹⁷.

Старейшее и наиболее влиятельное объединение технической интеллигенции и крупной промышленной буржуазии – Русское техническое общество (РТО), почетным членом которого являлся сам император, также стало в 1905 г. центром оппозиционного движения. С марта 1905 г. в его помещении в Соляном городке еженедельно устраивались многолюдные собрания с участием гостей, студентов, курсисток и рабочих, где собирались пожертвования в поддержку революционного движения. Вкладом РТО в события 1905 г. стали изучение рабочего вопроса, а также создание профессионального движения инженеров и техников. Инженеры ратовали за немедленный созыв представителей народа для выработки новых оснований государственной жизни и предложили отменить положение об усиленной охране, ввести свободу печати, добиться полной амнистии всех

¹³ См.: там же. Ф. 102.00. Д. 1250. Т. 2. 1904. Л. 70–72, 129, 130 об., 207, 208.

¹⁴ См.: там же. Ф. 102.00. 1906. Д. 194. Ч. 2. Л. 268 об.

¹⁵ См.: Из истории Императорского Вольного экономического общества. Копии документов. 1894–1906 гг. Б.м. и б.г. С. 204, 206.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 102.00. 1906. Д. 194. Ч. 2. Л. 272, 272 об.

осужденных и административно высланных за политические преступления. Многие члены РТО вступили в Союз инженеров и техников. В школах РТО в Петербурге и в образовательных учреждениях, открытых комиссией по техническому образованию в Москве, проводились несанкционированные собрания с участием сотрудников нелегального Центрального бюро профессиональных союзов и велась агитация рабочих в духе социалистической идеологии¹⁸.

Акции протеста политике правительства можно было наблюдать в 1905 г. и на собраниях Педагогического общества при Московском университете. Призванная разрабатывать вопросы педагогики и дидактики ассоциация педагогов собирала средства на пропаганду среди рабочих и на вооружение народа, принимала постановления “употребить все силы для предотвращения кар и взысканий в отношении учащихся средней школы за участие в забастовках и за представление заявлений политического характера”. Вину за беспорядки в средней школе представители наиболее гуманной профессии возлагали на самодержавие, вводящее в школьную жизнь “сыск, шпионство и национально-религиозную нетерпимость”. Педагогическое общество выступало сторонником установления демократического школьного строя. Правомонархическая газета “Московские ведомости” аттестовала эту организацию как “форменный политический клуб”, двери которого открыты для либеральной столичной интеллигенции. На поступившее Николаю II через Российское телеграфное агентство сообщение о содержании мартовского заседания общества 1905 г. последовала резолюция: “Очень пора прекратить подобные безобразия”¹⁹. В 1907 г. Общество было закрыто постановлением Совета министров, а его имущество передано Московскому университету.

МОСХ вышло из революционных бурь с меньшими потерями: оно навсегда было лишено императорского статуса и на время — права устраивать публичные собрания. Это Общество имело заступника в лице министра земледелия А.С. Ермолова, сумевшего убедить в необходимости сохранить жизнь учреждению, владевшему значительными капиталами и имуществом (земледельческая школа, сельскохозяйственный журнал, комитеты и отделы в разных частях империи). Ермолов полагал, что закрытие МОСХ “принесло бы крупный ущерб нашему сельскохозяйственному делу”. Ближкому к МОСХ по взглядам Московскому отделению

РТО в порядке действовавшего тогда Положения об усиленной и чрезвычайной охране были запрещены публичные заседания и вплоть до 4 марта 1906 г. оно не собиралось²⁰.

Очередным импульсом к выработке активистами легальных обществ проекта политических реформ стал указ Сенату 18 февраля 1905 г., легализовавший петиции — обращения к верховной власти по поводу усовершенствования государственного строя. По стране прошли митинги и собрания, на которых составлялись петиции к царю. Газеты помещали требования либеральной оппозиции, объединявшейся в обществах и съездах, с призывом к реформированию различных сфер жизни. Все они имели сходное содержание, утверждая, что никакая культурная работа невозможна без преобразования самодержавного строя в правовой.

Откликом педагогической общественности на Указ 18 февраля стало создание при московском Педагогическом обществе, тогда еще здравствовавшем, комиссии из 12 членов, вошедшей в соглашение с рядом других организаций для разработки проекта государственного устройства. Проект предполагалось составить в демократическом духе²¹.

После издания указа 18 февраля многие учительские общества занялись обсуждением существующего государственного порядка и способов его улучшения в конституционном ключе. В их числе были объединения учителей Воронежской и Тульской губерний, а также Общество содействия начальному образованию в Курской губернии²².

Не остались в стороне от формулирования конституционных требований в феврале 1905 г. и медицинские общества. Так, руководимое либералом, членом “Союза освобождения” А.И. Шингаревым и членом местного комитета РСДРП Ю.П. Махновцом Воронежское общество охранения народного здоровья включило в неофициальную повестку дня своих заседаний вопросы преобразования государственного строя, изменения правового положения крестьян и наделения их землей. На собраниях организации осуществлялся сбор средств на борьбу с самодержавием и звучала критика губернаторов, не исполнявших прямых указаний правительственных манифестов и рапортовавших

²⁰ См.: Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 238, 239.

²¹ См.: ГАРФ. Ф. 102. 4 дел-во. 1907. Д. 137. Л. 1, 56 об.

²² См.: там же. Ф. 102.00. 1905. Д. 1255. Ч. 1. Л. 1, Ч. 13. Л.1, Ч. 7. Л. 1–3.

¹⁸ См.: там же. Ф. 102. 4 дел-во. 1907. Д. 104. Л. 85, 86, 147, 148.

¹⁹ Там же. Д. 137. Л. 17.

о благополучии в своих губерниях, несмотря на голод и нищету народа²³.

Следовали в фарватере оппозиционного движения и литературно-художественные организации. Так, в апрельском заседании Общества любителей изящной словесности в г. Серпухове Московской губернии обсуждался вопрос об усовершенствовании государственного устройства и улучшении народного благосостояния. В повестке дня заседания прямо значилось, что этот вопрос поставлен согласно рескрипту 18 февраля. Запрет губернатором данной темы как не предусмотренной к обсуждению уставом Общества и не имеющей к нему непосредственного отношения был опротестован членами общества. МВД поддержало протест общественников и вынесло резолюцию о несоответствии действий губернатора Указу 18 февраля²⁴.

Активисты юридических обществ восприняли Указ 18 февраля как бесповоротный отказ верховной власти от бюрократического режима. «Власть желает опереться на народ, — писал юридический еженедельник «Право», — следовательно, все внимание надо сосредоточить на правильной организации правительства»²⁵. Юристы активно включились в кампанию, в ходе которой они сформулировали основные требования политико-правовой повестки дня. Свою задачу они видели прежде всего в том, чтобы предложить способы избрания населения в представительный орган власти.

Юридические общества Петербурга, Казани, Харькова и других городов занялись обсуждением вопросов организации народного представительства. Структуре представительного органа власти были посвящены доклады членов Петербургского общества — В.Д. Кузьмина-Караваева и Казанского общества — И.П. Ивановского. Ивановский предлагал всенародное избрание представителей и четыре курии избирателей: рабочие, земледельческий класс (от крупных земельных собственников до общинников), торгово-промышленная группа и лица «свободных профессий» (артисты, художники и др.). Критериями при этом должны были служить размеры поземельной ренты, капитала и заработной платы. Планировалось, что каждая группа избирателей будет располагать равным числом голосов, за исключением второй группы, получающей ввиду ее численности двойное превосходство. В прениях звучали предложения юристов-общественников о введении в России

всеобщего избирательного права и свобод слова, печати, союзов и собраний²⁶.

Важно отметить, что запрос на профессиональное юридическое знание стал в 1905 г. подлинно общественным и удовлетворялся не только юридическими обществами. При Учебном отделе Московского общества распространения технических знаний в сентябре 1905 г. была создана Комиссия по законоведению. Это установление было призвано служить популяризации среди населения юридических знаний и правовых понятий, в отношении которых страна, как отмечалось, «находилась в крайней бедности». Законоведческая комиссия РТО была ориентирована преимущественно на крестьян, ощущавших нехватку правовых знаний наиболее остро²⁷.

Следствием общественных петиций и резолюций 1904–1905 гг. явилось образование профессионально-политических союзов интеллигенции, призванных объединить широкие демократические слои под лозунгом конституционных реформ. По свидетельству современников, союзы адвокатов, инженеров и техников, медицинских работников, профессоров, статистиков, журналистов, писателей и др. рождались «как грибы после дождя», «обнимали самых видных членов профессии, создавались для обсуждения профессиональных нужд»²⁸. Организационное руководство профессионально-политическими союзами осуществлял уже упомянутый Союз союзов — самая мощная и радикальная среди всех либеральных организаций того времени.

Участвовавший в работе Союза адвокатов В.А. Маклаков вспоминал, что ставивший целью демократизацию правового строя России Союз, собрав «людей культурных и образованных, по профессии связанных с самыми разнообразными правовыми проблемами государства», экспромтом решал сложные вопросы государственной жизни, принимал смелые политические резолюции о государственной целостности страны, конституции и парламенте²⁹.

Широкие политические и социально-экономические требования в программах союзов

²³ Там же. Л. 8. Л. 1–2.

²⁴ См.: там же.

²⁵ См.: Право. 1905. № 7. Стб. 175.

²⁶ См.: *Миридонова В.С.* Юридические общества в России (1865–1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2002. С. 199, 200.

²⁷ См.: Комиссия по законоведению // Биржевые ведомости. 1905. 18 сент.

²⁸ *Гессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. М., 1993. С. 196, 197.

²⁹ См.: *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника. Ч. 2. Париж, 1928. С. 363–365.

свидетельствовали о перевесе в общественном движении крайних элементов, “старавшихся превратить союзы в политическую партию с программой-максимум”, — так оценивал настрой политических сил, входивших в профессиональные союзы, либеральный юрист И.В. Гессен. Указывал Гессен и на тщетность попыток властей противодействовать процессу развития профессионально-политических союзов: “В ответ на привлечение отдельных членов к судебной ответственности за образование противозаконного сообщества сыпались со стороны всех остальных членов заявления прокурорам о принадлежности к союзам, и власть пасовала перед необходимостью посадить на скамью подсудимых десятки тысяч людей”³⁰.

Политизация добровольных обществ наблюдалась в 1905 г. не только в столичных и губернских городах, но и на национальных окраинах. Свидетельством тому было обращение в МВД 10 мая 1905 г. лифляндского губернатора М.А. Пашкова с предложением об учреждении особой инспекции для надзора за частными обществами, их ревизии и руководстве их деятельностью. Пашков указывал на существование в Лифляндской губернии 1400 легальных кружков, обществ и ферейнов, располагавшихся в городах, приходах и волостях. Губернатора смущало, что собрания многих ассоциаций носили не просто публичный, но откровенно противоправительственный характер, внушая местному населению оппозиционный образ мыслей³¹.

4. Ответные шаги правительства

Правительство реагировало на политизацию легальных обществ изданием Указа Сенату 21 мая 1905 г., предоставившего товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией право закрывать на срок до одного года общества, собрания и союзы, деятельность которых признавалась вредной для общественной безопасности и порядка. В условиях, когда центральная власть колебалась между репрессивными мерами и уступками по отношению к общественному движению, а местная администрация была приведена в замешательство нестабильным политическим курсом правительства и не могла оказать действиям оппозиции должного отпора, расширился объем рычагов влияния на легальные общества, имевшихся в распоряжении Департамента полиции. Признание за полицией права прекращения деятельности обществ явилось отражением двойственного

юридического статуса обществ в условиях несовершенства законодательства и незавершенности осуществлявшегося тогда процесса передачи полномочий по контролю над ними из ведения центральных учреждений в местные. Министры, прежде ведавшие этими вопросами, уже не могли закрыть находившихся в их ведомствах организаций; таких полномочий не имели и губернаторы, так как нормальными уставами обществ, которыми власти руководствовались с 1890-х годов, способы их закрытия не оговаривались. Поэтому, если действия обществ приобретали противоправительственный характер, министры ходатайствовали об их закрытии перед товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией на том основании, что они представляли угрозу общественному порядку.

Министр народного просвещения В.Г. Глазов обратился 31 июля 1905 г. к заведующему полицией Д.Ф. Трёпову с предложением о пресечении нелегальной деятельности четырёх учительских обществ — взаимопомощи учителям начальной школы Воронежской, Владимирской и Таврической губерний, а также Общества содействия народному образованию и распространению полезных знаний в Ярославской губернии. Опираясь на сведения местных властей о политических целях данных обществ, а также на близость народных учителей к крестьянской массе, Глазов высказал предположение, что при тревожном и неустойчивом настроении они смогут увлечь за собой крестьянское движение. Трёпов удовлетворил ходатайство и распорядился о закрытии учительских организаций ввиду их противоправительственной деятельности сроком на один год³².

Относительная мягкость наказания обществ являлась данью времени. Рассматривая очевидные факты противоправительственной деятельности обществ, Департамент полиции, как правило, предлагал применять к ним более жесткие наказания вплоть до их закрытия, однако, следуя в фарватере правительственной политики, все же выносил резолюции о приостановлении их деятельности на год — «до наступления более спокойного времени».

По мере усиления карательных мер правительства по борьбе с революционным движением Департамент полиции начал вести себя с общественными организациями более резко. В мае 1905 г. был издан Указ Сенату, предоставивший товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией

³⁰ Гессен И.В. Указ. соч. С. 196, 197.

³¹ См.: ГАРФ. Ф. 102.00. 1905. Д. 2449. Л. 14—14 об.

³² См.: Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905—1917 годы. Тамбов, 2002. С. 192, 193.

право закрывать общества, собрания и союзы, деятельность которых представляла вред для общественной безопасности и порядка, сроком до года³³. Таким образом, действовавшая уже норма была узаконена. Крупные либеральные организации столичной интеллигенции МОСХ, Московское отделение РТО и Педагогическое общество устроили совместное заседание по поводу этого акта и признали его административным произволом, нарушением законных прав обществ, противоречившим созидательной работе общественных сил страны, предоставленной Указом 18 февраля о легализации петиций. Общественники пугали правительство тем, что подобная политика неминуемо приведет к общенародному взрыву.

В изданном в октябре 1906 г. циркуляре Департамент полиции предписывал начальникам губернских жандармских управлений и жандармских полицейских управлений железных дорог устанавливать строгую слежку за деятельностью возникающих обществ, обращая при этом особое внимание на входивших в них лиц, состоящих на государственной службе. Активное участие государственных служащих в революционных событиях 1905 г. побудило полицию обратить серьезное внимание на их деятельность в рамках легальных организаций. Если участие служащих в принимавших оппозиционный характер обществах подтверждалось, к ним применялись строгие меры наказания вплоть до лишения прав государственной службы.

Объектом повышенного внимания Департамента полиции являлись также профессиональные союзы, бурный рост которых наблюдался в 1905 г. Отношение к ним просматривается в издававшихся политической полицией справках и специальных циркулярах. Нельзя не упомянуть циркуляра от 2 июля 1905 г., изданного заведующим политической частью Департамента П.И. Рачковским. Он призывал администрацию к борьбе с профсоюзами всеми имевшимися средствами. Речь шла о наблюдении за деятельностью профессиональных организаций и недопущении никаких собраний их членов; в случае их обнаружения рекомендовалось немедленно распускать собрания, переписывать собравшихся и сообщать о ситуации в Департамент полиции.

Работа с материалами фонда Департамента полиции Государственного архива РФ привела нас к выводу, что с наибольшим пристрастием полиция относилась к просветительским обществам. Общее мнение полицейского ведомства по поводу

опасности общественной инициативы в сфере просветительства выразил вице-директор Департамента полиции Н.П. Харламов. Он утверждал, что с точки зрения государственного спокойствия просветительские организации имели более серьезное значение, чем даже профессиональные общества: «Если последние имеют возможность подготовить стачку рабочих, приостановить временно экономическую деятельность страны или даже, наконец, вызвать вооруженное восстание, то правительство в состоянии предупредить и пресечь вовремя эти угрожающие государственности явления, хотя бы даже вооруженной силой, просветительские же общества, имея в руках своих такое значительное оружие, как устройство народных лекций и библиотек, издание и распространение печатных произведений..., готовят революцию в умах, бороться с которой значительно труднее, чем со стачками или даже вооруженным восстанием». Именно на культурно-просветительские организации Харламов возлагал вину за то, что «русская интеллигенция, воспитанная на «кадетских» учебниках, почти сплошь левая», «какое воспитание она затем передает... народу, создавая так называемую полуинтеллигенцию, уже сплошь пропитанную социалистическими идеями»³⁴. Начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов, известный своими достижениями в насаждении политических провокаторов в революционные организации, откровенно признавал, что видел миссию просветительских организаций в дискредитации правительства и подготовке населения империи к революционной борьбе³⁵.

Таким образом, в годы Первой русской революции руководители политического сыска все более убеждались в том, что просвещение является главным орудием демократии.

После издания Манифеста 17 октября 1905 г., объявившего о намерении императора даровать свободы союзов и собраний, а также осуществить модернизацию политической системы за счет создания представительного органа власти с законодательными полномочиями и расширения избирательного права, политическая деятельность была легализована. Появились легально действовавшие политические партии и клубы. Манифест 17 октября был признан многими лидерами легальных обществ «российской хартией вольностей» и расценен как личная победа. Члены Московского юридического общества Ф.Ф. Кокошкин и А.С. Алексеев, а также Петербургского

³³ См.: там же.

³⁴ См.: Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. С. 174.

³⁵ См.: там же. С. 178, 179.

юридического общества – Н.И. Лазаревский указали, тем не менее, на декларативный характер этого документа и на необходимость издания законодательных актов правового обеспечения заявленных им идей³⁶.

5. Взаимодействие с представительными учреждениями

Важное направление деятельности общественных организаций в годы Первой русской революции получило развитие с появлением в апреле 1906 г. представительного органа власти и избранием туда многих лидеров добровольных обществ. У общественников возникла легальная трибуна для работы как политической, так и экспертно-аналитической. Наиболее ярко себя проявили члены юридических обществ В.А. Маклаков, С.А. Муромцев, И.В. и В.М. Гессены, А.А. Кизеветтер и др., игравшие видную роль в думских заседаниях и представлявшие Партию народной свободы (кадетов). В самих обществах правоведа активно обсуждали программу кадетской партии. Так, в заседании Ярославского юридического общества была рассмотрена программа кадетов по вопросу об отношении к церкви, а также Указ о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. Структуре представительного органа власти и принципам его формирования (куриальная система либо всеобщее избирательное право) были посвящены доклады членов Петербургского общества В.Д. Кузьмина-Караваева и Казанского общества – И.П. Ивановского³⁷.

Юристам не уступали и представители технической интеллигенции. Так, РТО в 1906 г. поставило целью “стать компетентным техническим экспертом для членов Государственной Думы” и “получить значение высшего технически-хозяйственного арбитра для всей страны”. В январе 1907 г. при РТО был создан отдел содействия труду, призванный осуществлять аналитическую работу в сфере организации труда. Он занялся изучением экономических и правовых условий жизни отдельных групп рабочих, его возглавили экономист С.Н. Прокопович и горный инженер Л.И. Лутугин, оба – социалисты по своим воззрениям³⁸. В 1907 г. активисты Московского отделения РТО

инициировали исследование по вопросу введения восьмичасового рабочего дня.

Выражавшее интересы врачебного сообщества Пироговское общество также высказало пожелание помогать народным представителям в обновлении страны. На съезде врачей-пироговцев 1907 г. звучали призывы предложить Думе законопроекты о социальном страховании рабочих и восьмичасовом дне. Медики говорили об экспертной роли, которую должны были, по их мнению, играть общественные организации, а также о том, что выработанные ассоциациями специалистов законопроекты призваны стать исходным пунктом для работы парламентских комиссий, готовивших реформы в различных областях³⁹.

Лидеры добровольных обществ рассматривали Государственную думу как орган, посредством которого они могли лоббировать свои интересы в продвижении реформ в тех или иных областях. К примеру, Русское женское взаимно-благотворительное общество обратилось к Государственной думе первого созыва с петицией о распространении на женщин избирательного права и признании их равноправия с мужчинами. Петиция была разослана всем женским обществам и комитетам империи, чтобы каждая женщина могла поставить под ней свое имя рядом с тысячей других⁴⁰. Петиция была направлена в Думу в мае 1906 г. А уже месяц спустя, в июне 1906 г., председателю Государственной думы III съездом Союза равноправия женщин (СРЖ) была передана вторая петиция. Она содержала требования предоставить женщинам равные с мужчинами политические права и учитывать в законотворческом процессе интересы обоих полов. Под петицией стояло 5 тыс. подписей женщин из столичных и провинциальных городов России. СРЖ наладил рабочие отношения с оппозиционными думскими фракциями трудящихся и кадетов, вел агитацию среди депутатов, передавал им письма крестьянок с требованием женских прав. В Думе первого созыва была создана Комиссия по гражданскому равенству (она трактовалась как основывавшееся на равенстве полов) с подкомиссией по равноправию женщин под руководством правоведа Л.И. Петражицкого. Отмена ограничений женщин в правах стала содержанием законопроекта, подготовленного юридической комиссией СРЖ в поддержку думской

³⁶ См.: Лазаревский Н.И. Манифест 17-го октября и погромы // Вестник права. Кн. 8. 1905. С. 3, 4; Кокошкин Ф.Ф. Юридическая природа Манифеста 17 октября // Юридический вестник. Кн. 1. 1913; Алексеев А.С. Манифест 17 октября 1905 г. и политическое движение, его вызвавшее // Там же. Кн. XI. 1915. С. 40, 41.

³⁷ См.: Мирidonova В.С. Указ. соч. С. 202.

³⁸ См.: ГАРФ. Ф. 102.00. 1906. Д. 194. Ч. 2. Л. 285, 286.

³⁹ См.: На Пироговском съезде // Голос Москвы. 1907. 26 апр. и 11 мая.

⁴⁰ См.: Петиция русских женщин // Русское государство. 1906. 17 марта.

подкомиссии и переданного в Думу 8 июля 1906 г., за день до ее роспуска⁴¹.

Многие добровольные общества действовали в годы революции в тесном контакте с органами местного самоуправления и участвовали в заседаниях городских дум с правом совещательного голоса.

6. Новая правовая рамка для функционирования ассоциаций и ее последствия

Изданный в разгар Первой русской революции Указ «О временных правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. дал импульс развитию системы общественных организаций. С изданием акта создание обществ и союзов из особой милости правительства превратилось в законное право российских подданных. Указ способствовал усилению роли и значения обществ в жизни страны.

После его издания общества стали возникать как «грибы после дождя» (цитата из доклада чиновника Департамента полиции). За период с марта 1906 по сентябрь 1907 г. на основании Указа 4 марта в одной только Москве были зарегистрированы 122 общественных организации и 65 профессиональных обществ⁴². В Московской губернии были созданы 50 организаций, в Одессе — 98 обществ, в Новгородской губернии — 34⁴³. По самым приблизительным подсчетам, за период 1906—1909 годов на основании Указа были образованы 4800 обществ⁴⁴, к 1906 г. — более 900 обществ сельского хозяйства⁴⁵ и порядка 622 просветительских обществ к 1909 г.⁴⁶

Указ 4 марта 1906 г. способствовал созданию в России ряда крупных просветительских обществ и росту педагогического движения. Закономерно, что именно 4 марта 1906 г. в Петербурге состоялось учредительное собрание Лиги образования, призванной объединить общественно-педагогическое движение в России под лозунгами всеобщности и доступности образования, опоры на общественную инициативу, свободы от политических,

конфессиональных и этнических рамок. Авторами проекта устава Лиги были деятели закрытого властями Петербургского комитета грамотности Г.А. Фальборк и В.И. Чарнолуцкий. Инициатива создания этой организации, которая охватывала бы всю империю, опиралась на массовое общественное движение по созданию в 1905 г. Союза союзов. Появление сетевых общественных структур, призванных работать в тесном контакте с народными представителями, было элементом стратегии Партии народной свободы, куда входили многие деятели Лиги образования⁴⁷. Как значилось в уставе, цель Лиги образования состояла в демократизации образования во всей России и на всех ступенях: высшего, среднего, низшего и внешкольного. В 1906 — первой половине 1908 годов в Петербурге возникли пять филиальных отделений Лиги, а на правах его отделов в различных районах города действовали пять обществ образования и самообразования⁴⁸.

10 октября 1906 г. в Петербурге было учреждено Общество народных университетов, занимавшееся устройством в столичном городе и прилегающей губернии научно-просветительских учреждений для народа. К 1909 г. оно располагало в столице 9 отделами и 13 аудиториями, расположенными преимущественно в фабрично-заводских районах города⁴⁹. Об оппозиционном характере обществ народных университетов свидетельствовали речи участников проходившего в Петербурге в январе 1908 г. съезда деятелей народных университетов, где была высказана идея объединения обществ народных университетов с профсоюзами и звучали критические выпады в адрес правительства⁵⁰.

Упомянутый выше начальник петербургского охранного отделения Герасимов небезосновательно связывал возникновение в столице империи в 1906—1908 гг. большого числа просветительских организаций с начавшимся кризисом революционного движения и переориентацией его вожakov на легальную работу. Особенно раздражали полицейских чиновников попытки новых просветительских обществ вторгаться в компетенцию государственной власти в вопросах образования. В собранных полицией материалах

⁴¹ См.: Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007. С. 348, 349.

⁴² См.: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1905. Д. 61-е. Л. 1—12.

⁴³ См.: Центральный исторический архив г. Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 64. Оп. 1. Д. 557. Л. 109—110 об.; РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1910. Д. 121. Л. 348—372 об., 874, 875.

⁴⁴ См.: Ануфриев Н.П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права. Кн. 1. М., 1917. С. 39.

⁴⁵ См.: Сельскохозяйственные общества // Голос Москвы. 1907. 18 июня.

⁴⁶ См.: ГАРФ. Ф. 102.00. 1906. Д. 194. Ч. 3. Л. 11—11об.

⁴⁷ См.: Раскин Д.И. Просветительские общественные организации // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX вв. / Отв. ред. А.С. Туманова. М., 2011. С. 600—602.

⁴⁸ См.: ГАРФ. Ф. 102.00. Д. 194. 1906. Ч. 2. Л. 271—271 об., 272 об.—273об., 278.

⁴⁹ См.: там же. Л. 279 об., 280.

⁵⁰ См.: Съезд деятелей народных университетов // Новое время. 1908. 4 янв.

о действиях Лиги образования обращалось внимание на ее стремление полностью заменить государство в деле образования народа. Указывалось на выработанный Лигой школьный законопроект, в котором государство полностью устранялось от участия в народном образовании, довольствуясь ролью спонсора, готового прийти на помощь материальными средствами и отводом казенных земель на постройку школьных зданий⁵¹.

Выводы

Таким образом, вектор развития добровольных обществ в годы революции состоял в поступательном движении от заявления конституционной идеи в 1904 г. к акциям в поддержку конституционного строя и участию в кампании петиций в 1905 г., а затем — к шагам в направлении выработки проектов конституционных реформ и взаимодействию с представительной властью в 1906–1907 гг. Наблюдая за развитием частной инициативы в области науки, в особенности юридической, просветительства, медицины, образования и др., мы можем с уверенностью заключить, что происходил последовательный переход общества от заявления оппозиционных лозунгов к участию в конституционном реформировании государства.

Добровольные общества вышли из революции, обогащенные опытом участия в протестном движении и вооруженные проектами реформирования сфер деятельности, за которые они были ответственны. Их активисты, принадлежавшие к различным сословиям и имевшие разное материальное положение и профессиональный статус, обретали тем самым опыт самостоятельной гражданской деятельности и превращались из подданных в граждан. Базировавшееся на авторитарной политической традиции имперское государство, построенное на основе вертикальных связей, в свою очередь приобретало благодаря обществам

связи горизонтальные, что позволяет говорить о происходившем переходе от сословного общества к гражданскому.

Между тем непреложным фактом является и политизация многих организаций в революционные годы. Участвовавшие в них общественные деятели осваивали культуру протеста, переходили от сотрудничества с государством, характерного для российского гражданского общества со времени его возникновения, к противостоянию ему по целому ряду вопросов. Конфликты общественников с властью были порождены различием ожиданий обеих сторон: одни жаждали закрепления и развития завоеваний Первой русской революции, тогда как представители власти желали возврата к более привычным старым порядкам.

Проявившиеся в годы Первой русской революции конфликтные тенденции возросли и усилились в последующий период, поставив заметный сегмент гражданского общества с традиционным для него в целом увлечением реформаторскими идеями и теорией “малых дел” на не свойственный ему радикальный путь гражданской деятельности. История дореволюционных добровольных ассоциаций, рассмотренная в настоящей статье, а также история советских организаций, написанная известными советскими историками и историками права⁵², свидетельствует, что выработанный и усиленный в годы Первой революции “протестный” тип гражданского участия имел перспективы явиться становым хребтом как для демократии, основанной на ценностях гражданской культуры, среднего класса и соучастия общества в управлении, так при определенных обстоятельствах и для тоталитарной диктатуры.

⁵¹ См.: Туманова А.С. Общественные организации и русская публика... С. 176.

⁵² См.: Щиглик А.И. Добровольные общества в переходный период от капитализма к социализму // Вопросы теории и истории общественных организаций. М., 1971; Ямпольская Ц.А. Общественные организации в СССР. Некоторые политические и организационно-правовые аспекты. М., 1972. С. 32, 33; Коржихина Т.П. Общественные организации в СССР в переходный период от капитализма к социализму. Дисс. ... доктора ист. наук. М., 1986. С. 13.